

Великий образ

На мою долю выпали большая честь и творческое счастье работать над образом В. И. Ленина на московской сцене. Это было в 1937 году, когда в Театре Революции шла пьеса А. Корнейчука¹ «Правда». Вскоре С. Юткевич² предложил мне сниматься у него в фильме «Человек с ружьем» по сценарию Н. Погодина³. Я с большей радостью принял это предложение. Работа над ролью таила неимоверные трудности. Мне казалось, что все против меня: и мои внешние данные, и срок постановки, и выжидательное молчание окружающих. Мне было особенно трудно потому, что я никогда не видел и не слышал Ленина. Пришлось мобилизовать себе в помощь все: литературу, живопись, скульптуру, грамзапись, фотографии. Я изучал биографии революционеров, читал Ленина и о Ленине, искал новых свидетелей и мучил их расспросами. Без конца бродил по чудесным залам Ленинского музея, впитывая в себя все, как губка. Изучал кинохронику кадр за кадром и до боли досадовал — как мало, непростительно мало, запечатлен на пленке Ленин. Ловил тембр его голоса и не успокаивался до тех пор, пока трудно было отличить звучание подлинной грампластинки от записи того же текста, но произнесенного мной.

В воспоминаниях о Ленине я часто встречал фразу: «Ленин стал меня расспрашивать». Это показалось мне значительным и не случайным. Очень хорошо объяснил интерес Владимира Ильича к расспросам один крестьянин-сибиряк. В своих воспоминаниях он пишет: «Не меня, конечно, слушал товарищ Ленин, как какую-то персону, а через меня он слушал, что говорят и думают крестьяне во всей массе».

Характерное для Ленина умение слушать я стремился передать в сцене, когда он встречается одного из действующих лиц фильма — солдата Щедрина и охотно заговаривает с ним.

В работе над ролью особенности образа Ленина складывались у меня из разнообразных штрихов и деталей

Я вчитывался в текст его известного письма членам ЦК 6 ноября 1917 года⁴. Какая динамика в построении фраз, их ритме, в расстановке знаков препинания! Это письмо вызывало во мне зрительные ощущения колоссальной динамической устремленности.

Я раскладывал фотографии Ленина в ряд и присматривался к ним. На каждой Владимир Ильич выглядит по-разному — он обладал подвижным лицом, живой мимикой <...>.

Вот фотография: политэмигранты на улице Стокгольма в 1917 году. Тут большая группа. Но одна фигура выделяется своей стремительностью, своим шагом, поворотом головы. Это, конечно, Ленин.

Вот кадр из кинохроники. Ленин в кремлевском кабинете сидит за столом, на колене покоится его рука, сжатая в кулак⁵. Какая творческая воля, какая энергия!

Ленина, вероятно, трудно было видеть в состоянии покоя. Ленин — человек, обладавший темпераментом борца-революционера. Это — темперамент его образа.

Доминирующей чертой образа в тех ситуациях, которые мне пришлось воплощать, было волевое начало: Ленин — вождь. Все его действия, все интонации глубоко осмысленны, четки и определены. Все пронизано инициативой.

В то же время хотелось передать ленинскую человечность, скромность и простоту, его огромное обаяние, умение подойти к человеку.

Трудно давалось освоение внешней, пластической стороны образа. Важно было создать облик таким, каким он живет в сознании масс. В каждой фотографии я искал какую-нибудь новую ценную черту или деталь: в одной — линию рта, в другой — изгиб бровей, в третьем — улыбку и прищуренный глаз, в четвертой — складки на жилете...

Несмотря на все трудности и волнения, — а может быть благодаря им, — я вспоминаю об этих днях напряженного труда и подъема, как об очень счастливом для себя времени.

Не забыть один из самых ответственных для меня спектаклей, — когда среди зрителей находилась Н. Крупская⁶. Она представлялась мне самым строгим судьей...

И вот спектакль окончен. Надежда Константиновна долго сидела в задумчивости, склонившись над барьером. А потом сказала, что ей не хочется уезжать из театра... Это была лучшая для меня награда. Надежда Константиновна оставалась с нами до глубокой ночи. Ее спутница тревожилась, торопила домой, желая уберечь от излишней усталости и волнений. Но это не так-то легко было сделать. Говорили о многом. Крупская призналась, что до сих пор сомневалась в возможности и целесообразности воплощения образа Ленина на сцене, но сегодня, воочию видя горячий отклик зрительного зала, начинает убеждаться в обратном. Она обещала посмотреть постановку у вахтанговцев и написать о двух спектаклях сразу. Свое обещание она сдержала, и вскоре статья Крупской появилась в «Правде»⁷...

Тема Ленина в искусстве настолько велика и содержательна, что она не дает покоя художнику, коль скоро он к ней однажды прикоснулся. Она все время будет тревожить, как бы пронизывать его творческую жизнь. Ничто не может остановить этот внутренний процесс. И я невольно продолжаю работать над ленинской темой до сих пор.